

аударманы жүйелендіруге де болады. Мұндағы ең бастысы – ақпаратты жедел, дәл, шынайы жеткізу. Ілеспе аударма құрылымы мынадан тұрады:

1) ақпарат көзі (немесе жіберуші тұлға, сөйлеуші адам)

2) ақпарат (сөйленген сөз)

3) ақпаратты өз тілінен екінші тілге жеткізуші (бұл аудармашының аудару үдерісі)

4) ақпарат арнасы (сөйленген сөздің жалпы мазмұны)

5) ақпаратты басқа тілден қайта жасап шығарушы (аудармашының іс-әрекеті)

6) алынған ақпарат (аударылған мәтін)

Ілеспе аударма синхронды аударма тәрізді ауызша аудару түрі ретінде мәтінді тыңдау нәтижесінде жасалады. Синхронды аударма ерекшелігі белгілі уақыт аралығында шешен сөзін соңғы мәліметтерді зердеде сақтап, оймен тиянақтап жеткізу уақыттың айтарлықтай кезеңімен бір-бірінен бөлінеді. Ілеспе аударма уақытқа сәйкес екі кезеңге бөлінеді: 1) сөз сөйлеп жатқан кезде аудармашы ақпаратты қабылдап алып, оның жазбасын жүргізуге әзірленеді. Мұндағы жоғарыда аталғанның барлығы қатысады. 2) бұл кезеңде аудармашы жазбаны пайдаланып, сөзді тиісті адамға жеткізеді. Көбінесе сөзді толық тыңдау нәтижесінде ауызша қайта мазмұндау жасалады.

Ә. Тәжібаев естелігінде москвалық атақты режиссер Г. Рошаль белгілі әдебиетші

В. Шкловский, жазушы Л.Л. Вайтоловская үйінде қонақта болғанда В.П. Строева (Рошальдың әйелі) Иса Байзақовтың суырып салмалылығын сынап, А.С. Пушкиннің «Египет түндеріндегі» әйгілі Клеопатра патша туралы оқиғаны бірден ауызша жырлап беруін өтінген. Ақын домбырасымен жиырма бес шумақтай жырды табанда айтып шыққан. Оны қонақтарға М. Әуезов ауызша, сол мезетте аударып берген. Ә.Тәжібаев естелігінде былай жазады: «Иса өзінің бұрыннан естіп, осыны жазсам деп ойланып, толғанып жүрген жырындай төкті. Әншейінде кібіртіктеп, ыңылдап бастайтын Мұхаң да бұл жолы ағыл-тегіл орысшалады: ол жырдағы ақын суреттеген адам мүсіндерін айнытпай айтады. Сөздердің екпін-лептерін аңғартады. Әлдеқандай нәзік елестейтін бояу, дыбыстарды, ишараттарды жеткізуге тырысады. Бәріміз бір кісідей тұрып, Исаға да, оның жырын осыншалық әсем аударған Мұхтарға да қошемет көрсеттік» (243 б). Міне бұл М. Әуезовтың әрі поэзиялық, әрі ауызша (ілеспе) аудармаға шеберлігінің жарқын үлгісі.

1. Тарақов Ә. Аударма әлемі. Оқу құралы. Қазак университеті, 2007 – 247 б.

2. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком. М., 1994

3. Миньяр-Белоручев Р.К. Пособие по устному переводу (записи в последовательном переводе) для институтов и факультетов иностранных языков. Москва. Высшая школа, 1969 – 202 с.

4. Әуезов М. Абай жолы. Роман-эпопея. Алматы: Жазушы, 1990. – Бірінші кітап. Абай: 608 б.

Р. О. Туксаитова

СТРАТЕГИЯ ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА В ФОРМИРОВАНИИ ТОЛЕРАНТНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Билингвистическая художественная проза ориентирована на разные типы читателей, имеющих разный фонд культурно-фондовых знаний. Писатель-билингв вводит новые знания в художественный текст. В каждом своем сегменте сверхтекста содержатся новые знания не только для русского, но и казахского читателя. Новые знания отражают точку зрения автора и/или героя. Авторская точка зрения задает оценочное осмысление связанных с освещением темы новых знаний. Автор-билингв

мотивирует выбор той, а не иной оценки вводимых им же новых знаний. Есть основания говорить о возможных вариантах внедрения новых знаний и их оценок осмысления в сознании читателей.

1а. Новые знания, отсутствующие ранее в культурной памяти читателя, воспринимаются им как особые инонациональные культурные факты. Последнее способствует расширению культурно-фондовой эрудиции читателя, выступающей как условие понимания *другой / чужой* культуры.

1б. Новые знания воспринимаются читателем как культурно-ценностные объекты, оцениваются, «присваиваются». Перерабатываются, частично включаются в культурно-фоновые парадигмы ценностных объектов, частично принимаются как *не свои*, но имеющие право на существование. Все это создает условия для вхождения в межкультурный диалог.

2а. Вводимые автором культурные знания присутствуют в сознании читателя. На базе имеющихся в тексте образно-оценочных представлений происходит смещение отдельных участков фоновой парадигматики, осмысляются те или иные факты и события. Это способствует погружению в свою культуру, переоценке определенных фоновых знаний, следовательно, осознанному вхождению в диалог внутрикультурный.

Известное только тогда будет воспринято с пониманием, если оно по-новому преподносится. Осмысление и присвоение нового культурного знания зависит от многих причин. Автор-билингг высвечивает неожиданные углы знаний, акцентирует внимание на детали, через детали предлагает нестандартно интерпретировать события, вещь, предмет. Ломка стереотипов – важнейший эффект воздействия билингвистического художественного произведения.

Рассказывая об исторических событиях, писатель вскрывает известные и неизвестные страницы истории, предлагает их разное, часто контрастное осмысление, включает точки зрения персонажей – носителей разных культур. Другими словами, демонстрирует возможности толерантного отношения к истории.

2б. Вводимые автором культурные знания побуждают читателя к межкультурному целостному сопоставлению фоновых парадигм, переработке представлений о *своем и чужом*, приводящей к возможности свободного вхождения в *чужую* культуру при сохранении *своего* культурного баланса.

Бикультурная константа, обеспечивающая взаимодействие автора с читателями-монолингвами и билингвами – проявление толерантности как специфической категории художественного билингвистического текста.

Стратегия автора-билингва, понимаемая как интенция авторского поведения [1.М.Берг, П.Бурдые], предполагает ориентацию на адресата как носителя одной культуры или двух (казахской и русской) культур, одна из которых является неродной. Коммуникативное наме-

рение автора связано с установкой на частичную или полную нейтрализацию напряжения, возникающего соответственно при восприятии русскоязычного текста казахскими читателями и при восприятии национальных единиц, вмонтированных в текстовую среду, русскими читателями. Авторское поведение, таким образом, двунаправлено: оно структурируется как некое производное двух разных культур и языков, находящихся в постоянном взаимодействии, которое не предполагает поглощения одной культуры (и языка) другой культурой (и языком). Оппозиция *свое – другое/чужое* органична для билингвистического текста. Динамика этой оппозиции, ее трансформации заданы авторской стратегией толерантности, охватывающей языковое воплощение опорных категорий билингвистического текста. Одна из них – проблема нового (неизвестного). При этом следует заметить, что новое не может рассматриваться вне учета социальных, психологических, научно-теоретических, общекультурных, возрастных, временных и других факторов. Для одного получателя сообщение будет новым и потому будет включать информацию, для другого это же сообщение будет лишено информации, поскольку содержание сообщения ему уже известно или вообще непонятно. То, что для определенного времени было новым, для последующего уже известно и т.д. [2.см.: Гальперин 1981: 27]. Данная категория ярко представлена в билингвистическом тексте, который содержит бикультурную информацию (например, то, что окажется ценной информацией для русского читателя, может быть воспринято казахским читателем как информация избыточная – и наоборот).

Тематически связанные объединения национальной лексики в билингвистическом художественном тексте выполняют текстообразующую функцию [3.см.: Купина 1983]. Анализ показывает: национальное проявляется не в пунктирном расположении казахизмов, а в системной организации единиц, концентрации национальной лексики в концептуально значимые участки картины мира, обуславливающие целостную структуру билингвистического текста.

Предлагаемая нами классификация номинативных единиц осуществляется поступенчато. Все рассматриваемые элементы, обладающие национальной спецификой, разделены на множества, соответствующие определенным сферам [4.см.: Складневская 1989].

Первая ступень классификации – отбор

номинаций, позволивший выделить две тематически и когнитивно определенных сферы. В центре системы располагается сфера «Человек и его мир». Она связана непосредственно с обозначениями людей, с человеческой деятельностью, с наименованиями предметов, связанных с условиями жизни и быта людей. Во вторую сферу – «Природа» – объединяются наименования различных реалий живой и неживой природы.

Следующая ступень классификации – выделение субсфер. Каждая сфера включает наименования участков национальной картины мира. Следует отметить, что в субсферы входят имена концептов, наполняющих определенные участки концептосферы как когнитивного целого.

Последняя ступень классификации предполагает вычленение подгрупп внутри субсфер и соответствующих концептосфер.

Культурные концепты, отражающие особенности менталитета народа, расположены в каждом участке картины мира, связанной с человеком, его деятельностью, отношением к миру и окружающей действительности. В задачи нашего исследования не входит воспроизведение полной картины концептуальных единиц. Мы выделяем лишь те концептосферы, которые важны для осуществления стратегии толерантности писателя-билингва, стремящегося к сопоставлению и противопоставлению *своего* и *чужого* во взгляде на мир. В этой связи, анализируя тот или иной фрагмент концептосферы, мы выделяем национально специфические обозначения важных для писателя фрагментов денотативного пространства, выявляем типы речевых практик толерантности, подразделяющиеся на парадигматические и линейные, и включаются в речевую ткань художественного произведения и сознания читателя. Именно поэтому для данной работы интерес представляет не только культурно национальная маркированная номинация, но и авторская интерпретация этой номинации, а также соотношенность данной номинации с другими единицами, номинирующими культурные концепты контактных концептосфер.

В текстах А.Алимжанова и С.Санбаева часто используется казахизм **жуз**, при этом эксплицируются культурно-фоновые смыслы, заложенные в этой лексической единице. Речевые практики толерантности в одном высказывании или текстовом фрагменте, как правило, реализуются в комплексе. Для того, чтобы выделить разновидности этих практик,

необходим контекстуальный анализ, привязанный к отдельному высказыванию или текстовому фрагменту. Именно поэтому парадигматические и линейные речевые практики толерантности, реализованные в тексте, выделяются постепенно, по ходу интерпретации текстового материала. Покажем на примере одного контекста реализацию разных типов речевых практик толерантности: *Предки казахов отразили удары Кира и Дару, и Надиришаха, прогнали упрямых джунгар. Но началась вражда меж родами, брат пошел на брата. Степь распалась на трое. Великий жуз, Средний жуз, Младший жуз. Жуз - это лик. Трехликим стал народ. Несчастливым* (Алимжанов. Стрела Махамбета: 573). Парадигматический принцип отбора национальных единиц обеспечивает номинативное освоение читателем участков национально специфического когнитивного пространства. В одном синтаксически однородном ряду оказываются три члена, каждый из которых структурируется с помощью русского прилагательного и опорного лингвоспецифического слова *жуз*. Проекция на обобщающий концепт (*роды*) способствует структурированию информации. Линейные речевые практики толерантности могут быть собственно денотативными и образно-оценочными. Как правило, в контексте они соединяются. В данном случае словосочетание *предки казахов* выступает как косвенный темпоральный сигнал историзма *жуз*. Это предопределяет возможность нейтрального понятийного освоения ключевой номинации. В контексте реализуется оппозиция *внешний враг – внутренний враг*, а понятие *жуз* интерпретируется внутри оппозиции *свой – чужой*, но *чужим* оказывается не только враг – агрессор (*джунгары*), но и *другое* родо-племенное объединение. Таким образом, осуществляется варьирование оппозиции. Речевая толерантность, как видим, основана на оппозиционном представлении культурно-фоновой информации. Реализованные варианты оппозиции являются универсальными для обеих культур. Образно-оценочная практика толерантности представлена метафорическим воплощением лингвоспецифического понятия *жуз*. Для портретирования исторически достоверного факта внутреннего устройства казахского общества используется метафора *лик*, служащая средством образной конкретизации фрагмента денотативного пространства. Образно-оценочная характеристика Старшего жуза осуществляется с помощью постоянного оценочного эпитета **великий**, подчеркивающего высокий

статус этого жуза в системе родо-племенных отношений. В русском языковом сознании за словом *великий* закреплено значение «могущественный, мощный, а идея могущества/мощи принимается и одобряется – через нее русскоязычный читатель с пониманием воспринимает этноспецифическую информацию, а носитель казахской культуры углубляет свои представления о соотношении жузов. Таким образом, эффект толерантности достигается на основе передаваемой с помощью парадигматически организованных средств обоих языков и комбинаций этих средств на линейной оси высказывания и в микротексте. Русскоязычность текста при этом не утрачивается. С помощью приемов билингвистической стилистики устанавливается механизм освоения когнитивно определенного участка этноспецифических знаний. В сверткесте регулярно реализуются близкие обеим культурам ценностные смыслы «единение», «общность», «согласие» - на базе слов общекультурного концепта «толерантность». Например: *А между тем, подхватив призыв батыров, мелкие отряды сарбазов-мстителей из Младшего, Среднего и Великого жузов, объединяя свои ряды, на совете воинов выбирали себе вожаков и, очищая родные земли от карательных отрядов джунгар, начинали свое победное шествие* (Алимжанов. Гонец: 332). В данном случае слово *жуз* выступает как субъект уничтожения внешнего врага и поддерживается сильными контекстными партнерами (*батыры, сарбазы*) из контактной субсферы. Устойчивое словосочетание *объединяя свои ряды* выражает спасительную для казахской земли идею объединения всех родов и племен: *Старец поднял посох. Подождем, пока утихнут голоса: - Нас сюда привело одно желание: подтвердить свое братство! Сила народа всегда была в согласии и единстве. Но разве мы не клялись в своем единстве двенадцать лет назад на горе Улытау? Разве мы не скрепляли кровью свою клятву* (Алимжанов. Гонец: 358). Культурный концепт *единения* относится к числу опорных идей как русского, так и казахского языкового и культурного сознания. Провозглашаемая идея единения приобретает общечеловеческую значимость.

Фоновая информация, как правило, имеет разворот или функциональное представление фонового сигнала. Слово *жуз* является фоновым сигналом, который многократно разворачивается. Связь между основным вербальным сигналом и разворотом может быть контактной и дистантной. Автор внедряет в сознание

читателей множество разворотов, опираясь на различные фоновые знания адресата: *Один из многочисленных родов Малого жуза, род кете, заселял земли далеко за Уил. Чтобы добраться туда, надо было миновать два аула* (Санбаев. Дорога только одна: 30). Фоновый сигнал *жуз* сопровождается разворотом, сущность которого в уточнении иерархических связей между родо-племенными образованиями: род *кете* относится к Младшему жузу. Парадигматическая речевая практика толерантности основана на использовании лексических единиц контактных субсфер сферы «Человек и его мир»: *жуз, кете* – единицы субсферы «Номинации административных институтов»; *аул* – единица субсферы «Номинации построек». Автором использована опорная формула казахское + русское (*Малый жуз, род кете*). Употребление прямого пространственного сигнала *далеко за Уил* связано с уточнением национально специфического понятия.

В романной прозе А. Алимжанова и С. Санбаева для обозначения родов и племен широко представлены этнонимы: *Обозленные старшины родов тама, шеркты, шекты, обездоленные аулы маскаров и кетинцев, беглецы из шести родов: кердери, толеу, тагалбайлы, табын, тама и керей потянулись к нему* (Алимжанов. Стрела Махамбета: 436). Парадигматическая практика толерантности основана на внедрении малой парадигмы, включающей одиннадцать казахизмов, относящихся к одной субсфере. Родовое понятие обозначается исконно русским словом, а видовые – казахизмами. Формула русское + казахское обеспечивает восприятие общекультурной категории «род» и ее национальной реализации: «тама», «шекты» и др. Тот же комбинаторный (русское родовое обозначение + казахская видовая номинация) принцип лежит в основе изображения социального неравенства и родо-племенных объединений: *- Зачем вам нужен этот бродяга? Ведь он из рода кзылкурт. А вы, аксакал, из почтенного рода байулы* (Алимжанов. Стрела Махамбета: 491). В тексте присутствует универсальная парадигма *богатый – бедный*, которая конкретизируется: *род кзыл-курт (бедный) – байулы (богатый)*. Универсальная оппозиция *богатый – бедный* конкретизируется на материале родо-племенных отношений. Атрибутивный распространитель *почтенный* указывает на глубокое уважение, связанное с особыми заслугами *рода байулы*. В тексте нет специальных смысловых пояснений этнонимов, но сам факт родового различия русскому читателю понятен. Понятны

и основы формирования *своего круга*, хотя принцип родо-племенного деления воспринимается как этноспецифический. Социоцентричность (ср. в русском фольклоре: - *Какого ты роду-племени?*) как принцип этнической идентичности близок и русским, и казахам. Вот почему социально-этнические мотивы поведения персонажей сверхтекста воспринимаются с одобрением: - *Мое имя Каражал, я из рода садыров. В верховьях реки Боралдай, близ Каратау, есть урочище Уи-ши. Два месяца назад джунгары окружили мой род и перерезали весь. С тех пор то проклятое урочище называют «Садыр - мурде» - могила Садыра. Я самозванный глашатай, зовущий всех казахов к единству и мести, я одинокий мститель, аксакал* (Алимжанов. Гонец: 244). Речевая практика толерантности основана на включении прямых пространственных сигналов в верховьях реки Боралдай, близ Каратау, урочище Уи-ши, темпорального сигнала *два месяца назад*. Линейная практика толерантности обнаруживает преодолимость парадигматических контрастов. В момент опасности все казахские роды и племена объединяются против внешнего врага. Мотивы мести, борьба за справедливость и жизненное пространство близки обоим культурам.

Отношения, межличностные и межгрупповые, подчинялись строгим нормам. А. Сейдимбек пишет о наличии веками отточенного этикета родственных и внеродственных связей. Тщательно регламентировались все нюансы: уровень притязаний на верховенство, почет, подарки, границы почитания и дозволенности – недозволенности, систему табу и т.д., определялись взаимные права-обязанности каждого субъекта. Определялся взаимообязывающий стиль поведения, тональность и атмосфера общения. Внешне это проявлялось в распределении по пространственному расположению юрты и в выделении места за дастарханом, очередности в подаче блюд, возрастной иерархии [5.см.: Сейдимбек 2001: 137]. В сверхтексте воспроизводится не только модель социально-административной структуры казахского общества, но и связанный с этой структурой жизненный конвенционально обусловленный уклад отдельных его ячеек, репертуар социальных и коммуникативных ролей, ритуализированные правила коммуникативного поведения, принятые в казахском социуме, и поддерживающие его структуру. Писателями изображаются особенности национального этикетного ритуала, выделяющего статусно-

ролевые модели поведения [Беликов, Крысин 2001]: *На почетном месте сидели владыки трех жузов Казахстана – ханы Болат, Самеке и Абулхаир. Абулхаир восседал в центре. Среди батыров Кенже впервые увидел Кабанбай, прославившегося в степи не менее, чем Богенбай, своей храбростью и бесстрашием во многих схватках с джунгарами. Кабанбай сидел рядом с Кенже у выхода из шатра. Тут же находились Санырак и Таймаз. Так по традиции полагалось занимать место на приеме у ханов батырам – выходцам из низших сословий. Остальные сели в соответствии со знатностью своего рода. Богенбай был выходцем из обедневшего, но знатного рода канжыгалы, что принадлежит к племени аргынов. Абулхаир пригласил его сесть рядом. – Это верно, что так поступил Абулхаир. Богенбай достоин этой чести, - спокойно проговорил Кабанбай* (Алимжанов. Гонец: 372). В контексте сигналы пространственной определенности *на почетном месте, в центре* и оппозиционный сигнал *у выхода из шатра* указывают на социальное различие субъектов, участвующих в речеповеденческих действиях. Ритуал должен быть определен пространственной заданностью, набором поведенческих формул, располагающихся в заданной последовательности. Однако в данной ситуации оппозиционный принцип сглаживается, и ритуал нарушается в более высоких целях, чем условное разделение. Образ внешнего врага мотивирует возможности в сдвигах строгих ритуалов. Военская доблесть, служение отечеству, как и в России, ценится выше традиционных ритуализированных обычаев. Беспощадное отношение к агрессору, захватчику свойственно для обеих культур. Оценочные номинации *храбрость, бесстрашие, достоин этой чести* мотивируют нарушение ритуала. Употребление национальных единиц (*жуз, хан, батыр*), постоянной формулы казахское + русское (*род канжыгалы, племя аргынов*), косвенный темпоральный сигнал в *схватках с джунгарами* направлены на восприятие национально специфических понятий.

Художественный билингвизм – важное средство трансляции толерантности. Автор-билингв, адресуя свои произведения читателям-монолингвам и читателям-билингвам, стремится к формированию фундаментальных основ межкультурного диалога, предполагающего принятие *другого/чужого*, присвоение и направленную переработку инокультурных ценностей.

Категория толерантности присуща билингвистическому тексту в целом. Она прони-

зывает все другие категории текста, нацеленного на формирование межкультурного диалога. Толерантность выступает как особый лингвокультурологический результат реализации категориальных механизмов текста.

Двудоминантная организация художественного билингвистического текста – русскоязычного по форме и национально специфического по содержанию, характеру мироощущения, мировосприятия и мировоззрения автора – способствует формированию межкультурного взаимодействия.

1. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000. 352 с.

2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 139 с.

3. Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск, 1983. 160 с.

4. Складарская Г.Н. Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии: Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1989. 430 с.

* * *

Берілген мақалада А. Алимжанов пен С. Санбаев жазушылар- билингвистердің стратегиялық бағыттылығы мен төзімділік ұлтаралық диалог проблемалары зерттелген. Осыған байланысты зерттеу жұмыстары мәтіндердің билингвистикалық ерешеліктерін табуына бағытталған және авторлық стратегиясын жүзеге асыру мүмкіндігін туғызады.

* * *

The problem connected with strategic trend of bilingual writers in particular A.Alimzhanov and S.Sanbayev in the formation of tolerant intercultural dialogue is considered in the given article. Accordingly the investigation was focused on the revealing of bilingual features of the text promoting author's strategy realization.

Р. О. Туксаитова

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВЕТИЗМОВ В КАЗАХСТАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Лексика как наиболее подвижный, динамичный уровень языковой системы реагирует на происходящие в обществе перемены незамедлительно. Особенно явно это можно наблюдать в периоды радикальных изменений государственного, экономического устройства, которые характеризуются ломкой стереотипных установок поведения, переориентацией морально-этических ценностей, идеологических предпочтений. Нельзя не согласиться с утверждением А. Д. Васильева о том, что «методика обработки населения в направлении, желательном для заказчиков и творцов идеологических моделей, включает сходный лингвистический инструментарий - без скольких-нибудь существенных различий, зависящих от национальных или государственных особенностей: эвфемизация, клиширование, стереотипные словосочетания и др.» [1,83].

В связи с этим особый интерес представляет использование советизмов в публицистических текстах постсоветского Казахстана. По определению Г. Н. Складарской, «советизмы - ушедшие в пассив слова и словосочетания, обозначающие характерные понятия советского времени, идейные и политические штампы» [2, 5].

Анализ публицистического материала последних лет позволяет выявить круг наиболее частотных слов-советизмов, используемых журналистами. Одним из ключевых слов советской эпохи было существительное *идеология* - система идей, представлений, понятий, выраженная в разных формах общественного сознания - философии, политике, праве, морали, искусстве, религии, и отражающая коренные интересы классов, социальных групп. В публицистических текстах последних лет наблюдается активизация слов *идеология, идея*. Контексты фиксируют различные исторические этапы развития государства с определенными идеологическими установками: *Идея суверенитета и независимости воплощена в жизнь и нуждается в придании ей более активного начала* (Казахстанская правда. 2008. 22 июля); *Общественная идея - это не априорная конструкция, а продукт взаимодействия национальных общностей, социальных групп и слоев населения* (Там же. 11 сент.); *Когда у нас говорят о национальной идее, важно понять: она заключается не в том, что мы должны опередить остальные страны по уровню богатства или потребления. Мы больше не должны стремиться опередить, обойти, победить.*